УДК 316.346.32–053.6

ЭКСТРЕМИЗМ И КСЕНОФОБИИ КАК ПРОТЕСТНЫЙ МЕХАНИЗМ СОЦИАЛЬНОГО АУТСАЙДЕРСТВА МОЛОДЕЖИ

Харченко А.А. ,Заслонкина О.В., Дровникова О.Н.

EXTREMISM AND XENOPHOBIA AS A PROTEST MECHANISM OF SOCIAL OUTSIDERSHIP OF THE YOUTH

Kharchenko A.A., Zaslonkina O.V., Drovnikova O.N.

Kharchenko A.A. *– Head of the Department of Social Work and Pedagogy of Professional Activity, Professor, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration of the Orel branch, Russian Federation, Orel, e-mail: ax-45@mail.ru*

Zaslonkina O.V. *– Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor at the Department of Social Work and Pedagogy of Professional Activity, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration of the Orel branch, Russian Federation, Orel, e-mail: zaslonkina11@mail.ru*

Drovnikova O.N. *– Senior Lecturer of the Department of Foreign Languages, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration of the Orel branch, Russian Federation, Orel, e-mail: polina97@yandex.ru*

In this article the authors examine the mechanisms of the social outsider youth, which are different in their structure and orientation. The most significant one is the protest mechanism. The essence of social and dispositional outsidership, the theoretical foundations of extremism and xenophobia among young people are clarified. Based on a comparative analysis of the results of sociological research "Reasons for the spread of ethnic extremism and xenophobia among young people", carried out in 2008 and 2014 by the Department of Social Work and Pedagogy of Professional Activity in the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, the state of ethnic and religious identification of young people in the regions of the Russian Federation is examined, as well as the prospects for countering nationalism and xenophobia among young people are assessed. The paper proposes a set of practical recommendations for the state and municipal government, public institutions and researchers on the prevention of extremism and xenophobia among young people.

Keywords: youth, youth groups, leadership, social outsidership, aggression, prevention of extremism and xenophobia

Положение молодежи в обществе в своих основных чертах отражает общую социальную ситуацию. Более того, молодежь в значительно большей степени, чем многие другие социально-демографические группы, может рассматриваться как индикатор общественного развития. Однако вопрос о статусе молодежи относится к наиболее дискуссионным в современной науке. Его острота обусловлена не только интересом к молодежной тематике, но и политико-идеологическими соображениями.

В ходе дискуссий о молодежи сформировались две полярные точки зрения, условно которые можно определить как пессимистические и оптимистические. Сторонники первой, исторически более ранней, утверждают, что молодежь является одной из незащищенных групп населения. Данную точку зрения отстаивает В.Т. Лисовский, который пишет: «Современная молодежь проходит

свое становление в очень сложных условиях ломки многих старых ценностей и формирования новых социальных отношений. Отсюда растерянность, пессимизм, неверие в настоящее и будущее»[1]. Но оценки В.Т. Лисовского сделаны более 10 лет назад. Позже социальная ситуация, казалось бы, изменилась, но на сегодняшний день пессимистические оценки имеют много сторонников.

Приверженцы оптимистической точки зрения относят молодежь к лидирующей группе российского общества. Данную позицию отстаивают Козлов А.А., Морозова Т.И. и др[2]. Еще в 1998 г. Козлов А.А. писал: «Наша молодежь– поколение будущего»[3]. А. Ослон на страницах «Независимой газеты» утверждает: «Удовлетворенность и оптимизм присущи сегодня молодым не только потому, что они молоды, не только потому, что это их родной мир. Он устроен так, что они видят в нем будущее для своего жизненного проекта»[4].

В то же время следует помнить о том, что различные группы молодежи в социальном пространстве любого общества располагаются между двумя крайними полюсами, которые допустимо определить как «лидерство» и «аутсайдерство». Те группы, которые тяготеют к первому, становятся сопричастными к магистральным тенденциям общественного развития. И, напротив, концентрация вокруг полюса аутсайдерства усиливает маргинализацию молодежной среды.

Протестные настроения развиваются, как правило, в социальной среде, жизнь в которой ухудшается и человек длительное время не может адаптироваться к таким условиям, нарастание неудовлетворенности жизнью усиливает протестный потенциал, снижает доверие ко всем политическим институтам власти и олицетворяющим ее политическим и государственным структурам[5]. Как показал опыт стран ближнего зарубежья, именно акции массового протеста сыграли одну из главных ролей в так называемых «революциях роз», «оранжевой революции» и других, особенно в последних трагических событиях в Украине, где основной, даже профашистской, силой выступала молодежь.

Кризис нормативности в молодежном сознании в значительной мере проявляется и в приверженности части молодежи к крайним взглядам на социально-политическую, социально-этническую, расовую и т.п. структуру общества. И в ряде случаев эти ментальные характеристики превращаются в конкретные поведенческие акты экстремистского характера. Это относится не только к российскому обществу. Ускоряющаяся динамика в сочетании с нестабильностью социальной ситуации стали отличительными признаками функционирования большинства современных обществ. Не случайно, что в этих условиях одними из наиболее приемлемых концепций, объясняющих современное общество, стали рискологические теории, характеризующие его как «общество риска».

В обществах «транзитивного» типа фактор социальных изменений и связанного с ними риска еще в большей степени определяет трансформацию социальной структуры и массового сознания. В обществе риска формируются новые общности – «жертв рисков» с новыми основаниями солидарности на почве отчужденности и страха[6]. Риск в современном обществе становится ведущим фактором социального аутсайдерства. Значимость риска в формировании массовых групп аутсайдеров состоит не только в усилении массовости процессов нисходящей мобильности. Риск даже как потенциальная угроза влечет дестабилизацию социума на уровне и социальных структур, и индивидуальных жизненных стратегий.

---

[1] Яницкий О.Н. Россия как «Общество риска»: контуры теории // Россия: трансформирующееся общество / Под ред. В.А.Ядова. – М. 2001. – С. 24.

[2] Морозова Т.А. Успех и аутсайдерство как альтернатива развития молодежи // Теория и практика общественного развития № 6/2011. С.43–48.

[3] Козлов А.А. Только поколение надежды! // Молодежь России: потерянное поколение или надежда XXI века?– СПб., 1998.

[4] Морозова Т.А. Успех и аутсайдерство как альтернатива развития молодежи// Теория и практика общественного развития № 6/2011. С.45–48.

[5] Паин Э. Протестное зазеркалье// Независимая газета. – 2007, 17 апреля.

[6] Яницкий О.Н. Россия как «общество риска»: контуры теории // Россия: трансформирующееся общество / Под ред. В.А.Ядова. – М., 2001. – С. 24.

Кроме того, диспозиционное аутсайдерство в молодежной среде проявляется в следующем:

– неспособность реально оценить жизненные ситуации и собственные шансы на успех;

– нерефлексивность мышления;

– некритичность по отношению к комплексу внешних и внутренних обстоятельств, влияющих на реализацию их жизненных планов;

– низкий уровень личной ответственности за последствия принимаемых решений, действий и поведения;

– возрастание конфликтности и агрессии в молодежной среде.

Агрессия может носить как поведенческий, так и ментальный характер и проявляться как в собственно молодежной среде, так и быть направленной по отношению к иным сегментам общества. Наряду с традиционными формами молодежной агрессивности – преступностью, групповыми схватками и т.д. – в современном обществе распространяется так называемое «мобильное насилие»[7]. При этом акты агрессии фиксируются камерами мобильных телефонов, или насилие для развлечения (охота за бомжами и другими отверженными, получившая распространение в последние годы в США, Западной Европе, а затем и в России).

Под экстремизмом в современной науке принято понимать приверженность социальных факторов крайним взглядам и мерам. Однако в подобной трактовке присутствует определенная размытость. Как «крайние» можно охарактеризовать и идеологическое обоснование терроризма, и левые взгляды. Наличие правых и левых взглядов, конкуренции и конфликта между ними, стремление к преобразованиям существующего социального порядка являются нормой для демократического политического процесса. В итоге в современной социологической науке не сформировалось теоретически обоснованной и эмпирически подтвержденной аналитической модели феномена экстремизма.

Неопределенность в определении экстремизма свойственна и правовым актам. Федеральный закон от 25 июля 2002 года № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» с изменениями и дополнениями, внесенными в него от 02.07.2013 № 185-ФЗ, неоправданно расширяет трактовку экстремизма, относя к нему возбуждение не только расовой, национальной или религиозной, но и социальной розни[8].

Естественно, для правового определения экстремизма свойственно сосредоточение на поведенческих актах, так или иначе способствующих формированию социального, политического, этнического и др. напряжения в обществе. Однако у социального поведения, даже спонтанного, аффективного, существует ментальная подоплека, которая включает в себя те или иные формы сознания, в том числе ценности, установки, стереотипы, идеологию. Экстремизм в некоторой степени можно квалифицировать как идеологию или, скорее, квазиидеологию, оправдывающую и обосновывающую определенный модус поведения. Вне зависимости от целей этот модус связан с насилием. И эта вторичность целей и первичность средств и позволяет говорить об экстремизме как о квазиидеологии.

Следовательно, экстремизм можно определить как квазиидеологию и сопряженную с ней практику в качестве непременного элемента, включающего насилие по отношению к социальным, этническим, религиозным и другим группам. В свою очередь, апология насилия является следствием отказа контрагентам в праве на симметричный диалог. Часто это бывает реакцией слабых на фрустрацию и подавление со стороны сильных. Но часто жертвами экстремизма становятся такие же отверженные, избранные в качестве «козлов отпущения». Так экстремизм смыкается с ксенофобией – враждебным отношением к тем, кто принадлежит к иным этническим, конфессиональным, социокультурным группам населения.

Ксенофобия в этом смысле является ментальной предпосылкой экстремиз-

[7] Троцук И. Проблема насилия в российском обществе: «нормальные» и «патологичные» проявления // Вестник общественного мнения: Данные, анализ, дискуссии. – 2007. – №3 (89). – С.54.

[8] Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности» // URL к изд.: Систем. требования IBM PC, Internet Explorer (Дата обращения: 11.02.2015)

ма, оправдывающего в правовом плане социальные конфликты и насилие. Такое искаженное понимание и восприятие социальной действительности приводит к лигитимизации в сознании молодежи насильственных и экстремистских акций в молодежной среде. Это во многом обусловлено как, так и деформацией национальных, религиозных, культурных традиций, господствующей идеологии государства.

Примером трагических последствий легитимации русофобии, идеологии неофашизма, бендеровщины может служить положение дел в современной Украине. Россия, как и все мировое сообщество, должны извлечь уроки из готовности и склонности молодежи к массовым беспорядкам, участию в националистических, профашистских движениях и организациях типа Правого сектора, Тризуба и др.

В исследовании социальной среды молодежного экстремизма необходимо учитывать ее многофакторный и многоуровневый характер. Так, макросоциальные факторы отражают масштаб социальной системы, а также комплекс социально-исторических предпосылок. Среди макросоциальных факторов, влияющих на состояние социальной среды молодежного экстремизма, на наш взгляд, можно выделить следующие:

– уровень экстремистских проявлений в связи с ростом социальной поляризации в обществе и в молодежной среде;

– низкий уровень использования социальных мотивов и социальной мобильности молодежи;

– высокая степень горизонтальной дифференциации общества по расовому, этнокультурному и религиозному признакам;

– наличие и активность экстремистского ядра в молодежном сообществе;

– степень участия и поведения молодежи в электоральных процессах;

– наличие националистической составляющей в позиционировании общественно-политических партий и движений;

– степень информационного освещения и оценка межэтнических и межконфессиональных отношений в обществе.

К мезосоциальным факторам регионального и локального уровней относятся:

– уровень социально-экономического развития региона, качество жизни и благополучие молодежи;

– интенсивность миграционных процессов в регионе и этническая структура мигрантов;

– уровень криминализации, наркотизации, алкоголизации и др. девиаций в молодежной среде региона.

Микросоциальные факторы действуют на уровне непосредственного окружения индивида и, как правило, зависят от мезо– и макросоциальных составляющих.

Экстремистские организации молодежи по своей направленности, доминирующим целям можно разделить на:

– социально-политические;

– националистические;

– этнические и религиозные.

Конечно, такое деление условно, поскольку молодежные организации могут преследовать не только политические цели, но и добиваться трансформации этнической и религиозной структуры общества. Ярким примером тому является Национал-большевистская партия, провозглашающая идеи социальной справедливости и русский национализм.

Несмотря на демонстрируемый российской молодежью смутный социальный оптимизм в отношении собственных жизненных планов, сквозь него проглядывает социальный негативизм и протест.

К радикальным политическим организациям молодежи в современной России можно отнести прежде всего Авангард Коммунистической молодежи Национал-большевистской партии. Эта партия фактически представляет собой именно молодежную организацию, так как подавляющее большинство ее участников – молодые люди. НБП является старейшей в России и единственной зарегистрированной радикальной молодежной организацией, которая была признана экстремистской решением суда. После этого ее легальная деятельность прекратилась, хотя представители НБП периодически мелькают в различных уличных акциях.

Существенный молодежный компонент – в радикально-националистической организации «Движение против нелегальной

иммиграции» (ДПНИ). Обе эти организации фактически заняли место Русского Национального Единства (РНЕ), имевшего существенное влияние в 1990-е гг. и разветвленную сеть филиалов в регионах России.

Из неформальных молодежных организаций к экстремистским можно отнести различные радикально-националистические группировки типа скинхедов.

Социологические опросы, проводимые как в среде молодежи, так и по общероссийской выборке, фиксируют наличие широкой социальной базы и распространенность ксенофобных настроений в российском обществе. Последние являются своеобразным компенсаторным механизмом, вызванным бедностью и ощущением социальной несправедливости, когда люди ищут виновников своих бедствий, тех, кто находится по ту сторону разделения «мы – они».

Адресатами ксенофобных настроений, агрессии, экстремистских действий могут быть самые разные группы, преимущественно маргинальные: бомжи, нелегальные мигранты, сектанты, гомосексуалисты. Исследование распространенности агрессивных настроений в среде молодежи, проведенное Левада-Центром, зафиксировало достаточно высокий уровень предрасположенности к насилию. Причем наибольшую агрессию вызывают члены религиозных сект (ликвидировать их предлагает треть опрошенных). Достаточно велико также отторжение таких маргинальных групп, как наркоманы (ликвидировать их считают нужным 25%), нелегальные мигранты (22%), гомосексуалисты (20%), проститутки (15%), больные СПИДом (10%)[9].

Самым простым способом социальной маркировки является раса и этничность. И именно на иноэтничные группы чаще всего обращается агрессия. Тем более что на уровне массового сознания на них зачастую возлагается вина за ту фрустрацию и депривацию, что испытывает значительная часть населения России.

Результаты социологических исследований «Причины распространения этнического экстремизма и ксенофобии в молодежной среде (Центральный федеральный округ)», проведенных в пяти пограничных регионах в 2008 г., и аналогичного исследования, проведенного Центром социальных технологий БелГУ (N=407) в 2014 г., показали, что, несмотря на спокойное восприятие собственной этнической принадлежности, значительная доля молодых людей считает свою национальность в чем-то лучше других (41,7% респондентов). Принципа равенства национальностей придерживаются 36,9% участников опроса[10]. Условно первую позицию мы определяем как идею «лучшего качества своей национальности» и считаем ее националистической по своей сути. Кроме того, 22% респондентов относятся положительно к «событиям на Манежной площади» в 2011 г., при этом 15,97 % приняли бы в них участие на стороне футбольных болельщиков. Главной причиной событий студенты называют вызывающее поведение мигрантов (32,19 %); засилье мигрантов в столице (22,60 %); агрессивность фанатских субкультур (21,87 %); активную деятельность кавказских диаспор (20,39 %)[11].

Устойчивость сформировавшегося в молодежном сознании представления о наличии у своей нации качеств, отличающих ее в лучшую сторону, подтверждается и распределением ответов на другие вопросы анкеты. В частности, объясняя причины значимости для них своей национальности, 52,44% респондентов из числа признавших факт значимости согласились с утверждением, что она приобщает их к великому народу. И лишь 13,21% участников исследования из этой группы мотивировали значимость тем, что она отличает их от других, что в целом вполне понятно.

Тем не менее мы имеем все основания полагать, что молодежь в регионах ЦФО имеет некоторые деформированные представления о собственной национальности,

[9] Яницкий О.Н. Россия как «общество риска»: контуры теории // Россия: трансформирующееся общество / Под ред. В.А.Ядова. – М., 2001. – С. 24.

[10] Причины распространения этнического экстремизма и ксенофобии среди молодежи (Центральный федеральный округ) сборник материалов социологического исследования // округ): Сборник материалов социологического исследования / Под ред. проф. Л.Я. Дятченко. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2008. – С. 46–84. – 326 с.

[11] Морозова Т.А. Успех и аутсайдерство как альтернатива развития молодежи// Теория и практика общественного развития. – № 6/2011. – с. 43–48.

но они не перерастают в националистические по своей сути воззрения. Позиция респондентов в определенной степени является умеренно-взвешенной.

В частности, 69,1% участников опроса признают, что большинству представителей их национальности свойственны как положительные, так и отрицательные качества. И только 7,77% убеждены в наличии у своей национальности одних лишь положительных качеств.

Показательно, что более половины молодых людей признали, что существуют национальности, с которыми они предпочитают не иметь дела. Больше всего таких в Орловской (61.41%) и Брянской (61.20%) областях[12].

Чаще всего о существовании таких национальностей заявляют учащиеся лицеев, профессиональных училищ (63,38%), домохозяйки (62,50%), работники бюджетной сферы (61,27%). Гендерные и возрастные различия при ответе на данный вопрос укладываются в пределы статистической погрешности.

К сожалению, в Орловской области на сегодняшний день органами государственной власти работа по противодействию ксенофобии и экстремизму, продвижению идеологии толерантности ведется достаточно формально. Слово «толерантность» в региональной нормативно-правовой базе встречается только в тексте областной целевой комплексной программы «Молодежь Орловщины 2010–2015 гг.» и лишь в общей, неконкретной фразе: «Основными целями программы являются... сохранение и развитие социально-политической и экономической стабильности в регионе через реализацию системы комплексных мер, направленных на духовно-нравственное, патриотическое и социальное воспитание подрастающего поколения; реализацию программ толерантности, активизацию деятельности общественных молодежных объединений»[13]. Слово «ксенофобия» в региональной нормативно-правовой базе вообще отсутствует.

Конкретных программ толерантности, упоминаемых в преамбуле областной комплексной программы, в самой программе не заложено, и пропаганда толерантности фактически полностью заменена патриотическим (а по сути, военно-патриотическим) воспитанием.

Идею «Россия – для русских», по данным Левада-центра, так или иначе поддерживают 55% респондентов (причем 14% поддерживают безоговорочно). С 1998 г. доля настроенных таким образом россиян выросла на 9%[14]. Причем среди молодежи 18–24 лет сторонников идеи «Россия – для русских» несколько больше, чем по выборке в целом, – 57% (из них 19% -поддерживают ее безоговорочно).[15]

По данным ФОМ, более трети россиян (35%) уверены, что многонациональность России приносит ей больше вреда, чем пользы, что лишь немного меньше доли сторонников обратного (37%). В личной неприязни по отношению к людям других национальностей признаются 25% респондентов (30% в возрастной группе 18–35 лет)[16].

Основными социальными факторами распространения экстремизма в молодежной среде являются практически те же, за некоторыми исключениями, что определяют и распространение девиаций:

– социальная поляризация и усиление отчужденности и неприязни между социальными группами;

---

[12] Причины распространения этнического экстремизма и ксенофобии среди молодежи (Центральный федеральный округ). Сборник материалов социологического исследования // округ): Сборник материалов социологического исследования / Под ред. проф. Л.Я. Дятченко. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2008. – С. 46–84. – 326 с.

[13] Харченко А.А. Гражданское и патриотическое воспитание молодежи. Учебник.– Орел: изд-во ОФ РАНХиГС, 2011. – 220 с., Меркулов П.А. Разработка концепции государственной молодежной политики России в 90-Е годы XX века// Среднерусский вестник общественных наук. – 2013. – № 1. – С. 180–185.

[14] Межнациональные конфликты в России// режим доступа к изд.: http://bd.fom.ru/report/map/projects/dominant/dom0727/domt0727_5/d072725.

[15] Национализм и ксенофобия // URL к изд.: http://www. levada.ru/press/2007082901.print.html/

[16] Социально-политическая активность молодежи// URL к изд.: http://www.zircon.ru/russian/publication/1/060525.pdf

– снижение эффективности социальных лифтов и ограничение социальной мобильности молодежи;

– усиление миграционных процессов, имеющих преимущественно этнический характер, формирование значительных в количественном отношении этнокультурных диаспор;

– активность радикально-националистических организаций, заинтересованных в рекрутировании своих сторонников;

– естественный радикализм, свойственный молодежи.

В ряде случаев негативный потенциал молодежи реализуется в конкретных действиях экстремистского характера. Но то, что на уровне поведенческих акций экстремизм не так уж широко распространен, определяется, может быть, тем, что ксенофобные настроения во многом являются наносными, воспринятыми молодежью достаточно поверхностно? именно как способ обоснования ощущаемой е. депривации. «Действия политических и общественных объединений с радикальной и социально агрессивной идеологией – скинхедов, любых экстремистски настроенных националистических, фашистских объединений – одобряют в среднем не более 4–5% опрошенных, а реальная поддержка их действий исключена для 90% опрошенных. Это свидетельствует о том, что, с одной стороны, потенциал агрессии накоплен большой, но его реализация не выходит за рамки эмоциональной агрессии и отдается на откуп экстремистским организациям, идентифицировать себя с которыми молодежь не хочет ни на номинальном, ни тем более на поведенческом уровне»[17]. Хотя специфика того или иного региона, безусловно, влияет как на уровень потенциала экстремизма и ксенофобии, так и на факторы формирования предпосылок ксенофобии и экстремизма в сознании молодежи. В немалой степени эти предпосылки отражают присущие части или всей молодежи региона страхи, фобии и риски.

Следует отметить, очень часто риски и фобии инспирируются и нагнетаются СМИ, органами власти и др. в целях манипулирования общественным сознанием и поведением молодежи либо общества в целом. Молодежь является достаточно восприимчивой к этим воздействиям, демонстрируя преимущественно конформный тип поведения[18]. Однако этот конформизм во многом внешний, не связанный с ценностным срезом сознания. Все в большей степени молодежь считает нужным акцентировать свое поведение на достижении индивидуального успеха, зачастую не считаясь с макросоциальными ограничениями. Возможно, это результат «путинской» стабилизации – реальной и насаждаемой в массовое сознание как некий фантом. Возможность жить в мире потребления сдерживает социальные фрустрации, но в то же время делает массовое сознание более восприимчивым к манипуляциям. Но в таком случае ограничение такой возможности (а любой экономический кризис или просто изменение экономической и финансовой конъюнктуры может ее подорвать) способно вновь актуализировать потенциал ксенофобии и экстремизма общества, особенно молодежи? как наиболее реактивной и восприимчивой его части.

Таким образом, социальное аутсайдерство как феномен является близким по своему содержанию социальной дезадаптации, но не тождественным ей, поскольку характеризует человека или группу с точки зрения его успеха в среднесрочной и особенно долгосрочной перспективе.

В современном российском обществе действует различные по своей структуре и направленности механизмы социального аутсайдерства молодежи. Наиболее значимым является протестный механизм, в основе которого лежит неудовлетворенность молодых людей собственным социальным статусом и обществом в целом.

[17] Социально-политическая активность молодежи// URL к изд.: http://www.zircon.ru/russian/publication/1/060525.pdf

[18] Харченко А.А., Заслонкина О.В., Дровникова О.Н. Социальное партнерство в сфере реализации государственной молодежной политики в субъекте РФ // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право/ Выпуск № 2 (173) / том 27 / 2014, Меркулов П.А. Международные стандарты формирования государственной молодежной политики//Знание. Понимание. Умение. 2012. № 4. С. 101–105.

Стимулирует протестное аутсайдерство убежденность значительной части молодежи в том, что она в сложившемся социуме не может реализовать многие фундаментальные потребности. Прежде всего участие в процессе приятия решений, касающихся города, района; решить жилищную проблему; открыть «свое дело» и устроитmся на хорошую работу по специальности. Протестное аутсайдерство стимулируется взаимной отчужденностью власти и молодежи. Молодые люди в большинстве своем не доверяют основным институтам управления и должностным лицам.

На основании проведенного исследования можно сделать следующие выводы:

1. Проблема экстремизма и ксенофобии в молодежной среде является крайне сложной для изучения.

Многие ее аспекты требуют уточнения и корректировки, основанной на репрезентативных методах социальной диагностики. В частности, необходимо изучить:

а) динамику ценностей молодежи в обществе риска. Процесс их систематического анализа начался еще в 90-е годы, сегодня следует возобновить подобную практику и сопоставить новые данные с данными десятилетней давности;

б) специфику траекторий социализации молодежи. Требуют особого анализа факторы, определяющие социальную дезадаптацию и социальное аутсайдерство;

в) особенности воздействия на молодежное сознание современных социальных манипулятивных технологий, которые играют довольно значимую роль в распространении экстремизма и ксенофобии. К сожалению, изощренность этих манипулятивных технологий пока еще не осознана не только практическими работниками, но и специалистами.

Для решения этих задач целесообразно возродить практику мониторинга молодежного сознания. При органах по молодежной политике необходимо создать экспертные группы, в задачи которых будет входить аналитическое обеспечение мониторинга и интерпретация полученных результатов.

2. Проблема адаптивного аутсайдерства молодежи превращается сегодня в один из феноменов молодежного сознания и поведения.

Адаптационное аутсайдерство выражается в приспособлении молодежи к дискомфортным в социальном отношении жизненным условиям, утратой стимулов к саморазвитию и преобразованию социальной реальности в своих интересах. Следствием этого механизма является деградация личности. Адаптационный механизм отражает пассивность личности, ее страхи перед будущим, убежденность в неспособности изменить неблагоприятную реальность. Общей чертой, характерной для любого из этих механизмов, является наличие у молодежи иллюзорного сознания. В первом случае оно гипертрофирует собственные возможности, во втором – действие внешних факторов. Адаптационное аутсайдерство связано с социально-психологической неустойчивостью, с отсутствием социально перспективного мышления.

3. В настоящее время в Орловской области, как и в других регионах России? необходима разработка и реализация системы мер, направленных на восстановление доверия молодежи к власти, формирование электоральной культуры молодежи. Эта система должна координироваться региональными органами представительной власти.

4. Важным условием обеспечения духовной безопасности молодежи является патриотическое воспитание. Дальнейшая работа по патриотическому и гражданскому воспитанию предполагает усиление координации, совершенствование методического обеспечения с учетом специфики различных групп молодежи. Необходимо осуществить анализ и коррекцию школьных и иных учебников с точки зрения их соответствия задачам формирования гражданственности и патриотизма.

Патриотизм, безусловно, позитивная характеристика молодежного сознания[19]. Но в нынешнем понимании молодежью он все-таки стимулирует националистические чувства и идеи. Респонденты, называющие себя патриотами России полагают, что их национальность лучше других, чаще, чем те,

[19] Харченко А.А. Гражданское и патриотическое воспитание молодежи. Учебник.– Орел: изд-во ОФ РАНХиГС, 2011. – 220 с.

кто не называет себя патриотом. «Патриоты» чаще указывают, что существуют национальности, с которыми они не хотели бы иметь дела.

5. Необходимо отработать нормативно-правовые документы федерального, регионального и ведомственного уровней, определяющие порядок работы органов государственной власти, местного самоуправления, правоохранительных органов в регионе по противодействию экстремизму.

6. Целесообразно создать объединенный банк данных об экстремистских организациях, действующих на территории России и в конкретном регионе.

7. Создать в правоохранительных органах аналитические подразделения, в функции которых вменить оценку, анализ и прогноз тенденций развития экстремистских проявлений в обществе.

8. Следовало бы ввести в практику проведение совместно с заинтересованными органами независимого социологического мониторинга деятельности националистических и религиозных экстремистов, восприятия их различными слоями местного населения, и прежде всего молодежью, в целях учета полученных результатов в учебно-воспитательной работе образовательных учреждений и профилактической деятельности правоохранительных органов, ведущих борьбу с этим социальным злом.

Считаем, что успешная реализация указанных направлений деятельности по борьбе с экстремизмом возможна при условии разработки единой федеральной и региональной стратегии, опирающейся как на законодательную базу, так и на соответствующие профилактические меры.

Библиография/References

Меркулов П.А. Международные стандарты формирования государственной молодежной политики//Знание. Понимание. Умение. – 2012. – № 4. – С. 101–105.

Меркулов П.А. Разработка концепции государственной молодежной политики России в 90-е годы XX века//Среднерусский вестник общественных наук. – 2013. – № 1. – С. 180–185.

Морозова Т.А. Успех и аутсайдерство как альтернатива развития молодежи// Теория и практика общественного развития – № 6/2011. С. 43–48.

Троцук И. Проблема насилия в российском обществе: «нормальные» и «патологичные» проявления // Вестник общественного мнения: Данные, анализ, дискуссии. – 2007. – № 3 (89). – С.54.

Харченко А.А. Гражданское и патриотическое воспитание молодежи. Учебник.– Орел: изд-во ОФ РАНХиГС, 2011.– 220 с.

Харченко А.А., Заслонкина О.В., Дровникова О.Н. Социальное партнерство в сфере реализации государственной молодежной политики в субъекте РФ // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. – 2014. В. № 2 (173). Т. 27.

Яницкий О.Н. Россия как «общество риска»: контуры теории // Россия: трансформирующееся общество / Под ред. В.А. Ядова. – М., 2001.

Morozova, T.A.(2011)The success and the outsider as an alternative to youth development //Theory and practice of social development №6. p.43–48(In Russ.)

Merkulov, P.A. (2012) Mezhdunarodnye standarty formirovanija gosudarstvennoj molodezhnoj politiki//Znanie. Ponimanie. Umenie.. № 4. p.101–105(In Russ.)

Merkulov, P.A. (2013) Razrabotka koncepcii gosudarstvennoj molodezhnoj politiki Rossii v 90-E gody XX veka//Srednerusskij vestnik obshhestvennyh nauk..(Central Russian Journal of Social Sciences) № 1. p.180–185. (In Russ.)

Trotsuk, I. (2007)The problem of violence in Russian society: “normal” and “pathological” manifestations // Herald Opinion: The data analysis discussions.№3 (89) .– P.54. (In Russ.)

Kharchenko, A.A. (2011) Civic and patriotic education of the youth. Studybook.– Orel: RANEPA Publishing, 2011.– 220p. (In Russ.)

Kharchenko, A.A, Zaslonkina O.V, Drovnikova O.N. (2014) Social partnership in the implementation of the state youth policy in the subject of the Russian Federation // Belgorod State University. Series: Philosophy. Sociology. Right Issue number 2 (173) volume 27(In Russ.)

Yanitskiy, O.N. (2001) Russia as a “risk society”: the contours of the theory // Russia: transforming society / Ed. V.A.Yadova. M. p.24. (In Russ.)